

говору со мною. Страшная опасность угрожала, казалось ему, делу всей его жизни.

А Сталин? Зайдя слишком далеко, чтоб отступить, подталкиваемый собственной фракцией, страшась того концентрического наступления, нити которого сходились у постели грозного противника, Сталин шел уже почти напролом, открыто вербовал сторонников раздачей партийных и советских постов, терроризовал тех, которые прибегали к Ленину через Крупскую, и все настойчивее пускал слух о том, что Ленин уже не отвечает за свои действия. Такова та атмосфера, из которой выросло письмо Ленина о полном разрыве со Сталиным. Нет, оно не упало с безоблачного неба. Оно означало лишь, что чаша терпения переполнилась. Не только хронологически, но политически и морально оно подвело заключительную черту под отношениями Ленина к Сталину.

М. И. УЛЬЯНОВА

Ленин о Сталине

<Из воспоминаний>

«ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ ЧРЕЗВЫЧАЙНО ЦЕНИЛ СТАЛИНА...»

Ввиду систематических нападок на тов. Сталина со стороны оппозиционного меньшинства ЦК и непрекращающихся утверждений о чуть ли не полном разрыве со Сталиным со стороны Ленина, я считаю себя обязанной сказать несколько слов об отношении Ленина к Сталину, ибо все последнее время жизни В. И. я была с ним.

Влад[имир] Ильич чрезвычайно ценил Сталина, и притом настолько, что и во время первого удара, и во время второго удара В. И. обращался к Сталину с самыми интимными поручениями, подчеркивая при этом, что он обращается именно к Сталину. Вообще в самые тяжелые моменты болезни В. И. не вызывал ни одного из членов ЦК и ни с кем не хотел видеться, вызывал лишь Сталина. Таким образом, спекуляция на том, что В. И. относился к Сталину хуже, чем к другим, является прямой противоположностью по отношению к истине.

Оппозиционное меньшинство ЦК ведет за последнее время систематические нападки на т. Сталина, не останавливаясь

даже перед утверждением о якобы разрыве Ленина со Сталиным в последние месяцы жизни В. И. В целях восстановления истины я считаю своей обязанностью сообщить товарищам в кратких словах об отношении Ленина к Сталину за период болезни В. И. (Я не буду касаться здесь времени, предшествующего его болезни, относительно которого у меня есть ряд доказательств проявления самого трогательного отношения В. И. к Сталину, о чем члены ЦК знают не менее меня.)

В. И. очень ценил Сталина. Показательно, что весной 1922 г., когда с В. И. случился первый удар, а также во время второго удара в декабре 1922 г., В. И. вызывал к себе Сталина и обращался к нему с самыми интимными поручениями, поручениями такого рода, что с ними можно обратиться лишь к человеку, которому особенно доверяешь, которого знаешь как истинного революционера, как близкого товарища.

И при этом Ильич подчеркивал, что хочет говорить именно со Сталиным, а не с кем-либо иным. Вообще за весь период его болезни, пока он имел возможность общаться с товарищами, он чаще всего вызывал к себе т. Сталина, а в самые тяжелые моменты болезни вообще не вызывал никого из членов ЦК, кроме Сталина.

Был один инцидент между Лениным и Сталиным, о котором т. Зиновьев упомянул в своей речи и который имел место незадолго до потери Ильичом речи (март 1923 г.), но он носил чисто личный характер и никакого отношения к политике не имел. Это т. Зиновьев хорошо знает, и сослаться на него было совершенно напрасно. Произошел этот инцидент благодаря тому, что Сталин, которому по требованию врачей было поручено Пленумом ЦК следить за тем, чтобы Ильичу в этот тяжелый период его болезни не сообщали политических новостей, чтобы не взволновать его и не ухудшить его положения, отчитал его семейных за передачу такого рода новостей. Ильич, который случайно узнал об этом, — а такого рода режим оберегания его вообще всегда волновал, — в свою очередь отчитал Сталина. Т. Сталин извинился, и этим инцидент был исчерпан. Нечего и говорить, что, если бы Ильич не был в то время, как я указала, в очень тяжелом состоянии, он иначе реагировал бы на этот инцидент.

Документы по поводу этого инцидента имеются, и я могу по первому требованию ЦК предъявить их.

Я утверждаю таким образом, что все толки оппозиции об отношении В. И. к Сталину совершенно не соответствуют действительности. Отношения эти были и остались самыми близкими и товарищескими.

**«...Я НЕ СКАЗАЛА ВСЕЙ ПРАВДЫ О ТОМ,
КАК В[ЛАДИМИР] И[ЛЬИЧ] ОТНОСИЛСЯ К СТАЛИНУ»**

В своем заявлении на пленуме ЦК я написала, что В. И. ценил Сталина. Это, конечно, верно. Сталин — крупный работник, хороший организатор.

Но несомненно и то, что в этом заявлении я не сказала всей правды о том, как В. И. относился к Сталину. Цель заявления, которое было написано по просьбе Бухарина и Сталина, было ссылкой на отношения к нему Ильича, выгородить его несколько от нападков оппозиции. Последняя спекулировала на последнем письме В. И. к Сталину, где ставился вопрос о разрыве отношений с ним. Непосредственной причиной этого был личный момент — возмущение В. И. тем, что Сталин позволил себе грубо обойтись с Н. К.

Этот личный только и преимущественно, как мне казалось тогда, мотив Зиновьев, Каменев и др. использовали в политических целях, в целях фракционных. Но в дальнейшем, взвешивая этот факт с рядом высказываний В. И., его политическим завещанием, а также всем поведением Сталина со времени, истекшего после смерти Ленина, его «политической» линией, я все больше стала выяснять себе действительное отношение Ильича к Сталину в последнее время его жизни. Об этом я считаю своим долгом рассказать хотя бы кратко...

Отношения В. И. к его ближайшим товарищам по работе, к членам Полит Б[юро], мне приходилось ближе наблюдать летом 1922 г. во время первой болезни В. И., когда я жила с ним вместе, почти не отлучаясь.

Еще до этого я слышала о некотором недовольстве В. И. Сталиным. Мне рассказывали, что, узнав о болезни Мартова, В. И. просил Сталина послать ему денег. «Чтобы я стал тратить деньги на врага рабочего дела! Ищите себе для этого другого секретаря», — сказал ему Ст[алин].

В. И. был очень расстроен этим, очень рассержен на Ст[алина]. Были ли другие поводы для недовольства им со сто-

роны В. И.? Очевидно, были. Шкловский рассказывал о письме к нему В. И. в Берлин, где в то время был Шкловский. По этому письму было видно, что под В. И., так сказать, подкапываются. Как и кто — это остается тайной.

Зимой 20–21, 21–22 [гг.] В. И. чувствовал себя плохо. Головные боли, потеря работоспособности сильно беспокоили его. Не знаю точно когда, но как-то в этот период В. И. сказал Сталину, что он, вероятно, кончит параличом, и взял со Сталина слово, что в этом случае тот поможет ему достать и даст ему цианистого калия. Ст[алин] обещал. Почему В. И. обратился с этой просьбой к Ст[алину]? Потому что он знал его за человека твердого, стального, чуждого всякой сентиментальности. Больше ему не к кому было обратиться с такого рода просьбой.

С той же просьбой обратился В. И. к Сталину в мае 1922 г. после первого удара. В. И. решил тогда, что все кончено для него, и потребовал, чтобы к нему вызвали на самый короткий срок Ст[алина]. Эта просьба была настолько настойчива, что ему не решились отказать. Ст[алин] пробыл у В. И. действительно минут 5, не больше. И когда вышел от И[льи]ча, рассказал мне и Бухарину, что В. И. просил его доставить ему яд, т[ак] как, мол, время исполнить данное раньше обещание пришло. Сталин обещал. Они поцеловались с В. И. и Ст[алин] вышел. Но потом, обсудив совместно, мы решили, что надо ободрить В. И., и Сталин вернулся снова к В. И. Он сказал ему, что, переговорив с врачами, он убедился, что не все еще потеряно и время исполнить его просьбу не пришло. В. И. заметно повеселел и согласился, хотя и сказал Сталину: «Лукавите?» «Когда же Вы видели, чтобы я лукавил», — ответил ему Сталин. Они расстались и не виделись до тех пор, пока В. И. не стал поправляться, и ему не были разрешены свидания с товарищами...

Вернувшись к работе осенью 1922 г., В. И. нередко по вечерам видался с Каменевым, Зиновьевым и Сталиным в своем кабинете. Я старалась иногда по вечерам разводить их, напоминая запрещение врачей долго засиживаться. Они шутили и объясняли свои свидания просто беседой, а не деловыми разговорами.

Большое недовольство к Ст[алину] вызвал у В. И. национальный, кавказский вопрос. Известна его переписка по этому поводу с Троцким. Видимо, В. И. был страшно возмущен и Ста-

линым, и Орджоникидзе, и Дзержинским. Этот вопрос сильно мучил В. И. во все время его дальнейшей болезни.

Тут-то и присоединился тот конфликт, который повел за собой письмо В. И. к Сталину от 5/III-23, которое я приведу ниже. Дело было так. Врачи настаивали, чтобы В. И. не говорили ничего о делах. Опасаться надо было больше всего того, чтобы В. И. не рассказала чего-либо Н. К., которая настолько привыкла делиться всем с ним, что иногда совершенно произвольно, не желая того, могла проговориться. Следить за тем, чтобы указанное запрещение врачей не нарушалось, ПБ поручило Сталину. И вот однажды, узнав, очевидно, о каком-то разговоре Н. К. с В. И., Сталин вызвал ее к телефону и в довольно резкой форме, рассчитывая, очевидно, что до В. И. это не дойдет, стал указывать ей, чтобы она не говорила с В. И. о делах, а то, мол, он ее в ЦКК потянет. Н. К. этот разговор взволновал чрезвычайно: она была совершенно не похожа сама на себя, рыдала, каталась по полу и пр. Об этом выговоре она рассказала В. И. через несколько дней, прибавив, что они со Сталиным уже помирились. Сталин действительно звонил ей перед этим и, очевидно, старался сгладить неприятное впечатление, произведенное на Н. К. его выговором и угрозой. Но об этом же крике Ст[алина] по телефону она рассказала Каменеву и Зиновьеву, упомянув, очевидно, и о кавк[азских] делах.

Раз утром Сталин вызвал меня в кабинет В. И. Он имел очень расстроенный и огорченный вид: «Я сегодня всю ночь не спал», — сказал он мне. «За кого же Ильич меня считает, как он ко мне относится! Как к изменнику какому-то. Я же его всей душой люблю. Скажите ему это как-нибудь». Мне стало жаль Сталина. Мне казалось, что он так искренне огорчен.

Ильич позвал меня зачем-то, и я сказала ему, между прочим, что товарищи ему кланяются. «А», — возразил В. И. «И Сталин просил передать тебе горячий привет, просил сказать, что он так любит тебя». Ильич усмехнулся и промолчал. «Что же, — спросила я, — передать ему и от тебя привет?» «Передай», — ответил Ильич довольно холодно. «Но, Володя, — продолжала я, — он все же умный, Сталин». «Совсем он не умный», — ответил Ильич решительно и поморщившись.

Продолжать разговора я не стала, а через несколько дней В. И. узнал, что о том, что Сталин грубо обошелся с Н. К., знают

и К[амениев] и З[иновьев], и с утра, очень расстроенный, попросил вызвать к себе стенографистку, спросив предварительно, уехала ли уже Н. К. в Наркомпрос, на что ему ответили положительно. Пришла Володичева, и В. И. продиктовал ей следующее письмо к Сталину <...>.

Письмо это В. И. просил Володичеву отправить Сталину, не говоря о нем Н. К., а копию в запечатанном конверте передать мне.

Но, вернувшись домой, Н. К. по расстроенному виду В. И. поняла, что что-то неладно. И попросила Володичеву не посылать письма. Она, мол, сама поговорит со Сталиным и попросит его извиниться. Так передает Н. К. теперь, но мне сдается, что она не видела этого письма, и оно было послано Сталину так, как хотел В. И. Ответ Сталина несколько задержался, потом решили (должно быть, врачи с Н. К.) не передавать его В. И., так как ему стало хуже, и так В. И. и не узнал его ответа, в котором Сталин извинялся.

Но как В. И. не был раздражен Сталиным, одно я могу сказать с полной убежденностью. Слова его о том, что Сталин «во все не умен», были сказаны В. И. абсолютно без всякого раздражения. Это было его мнение о нем — определенное и сложившееся, которое он и передал мне. Это мнение не противоречит тому, что В. И. ценил Сталина как практика, но считал необходимым, чтобы было какое-нибудь сдерживающее начало некоторым его замашкам и особенностям, в силу которых В. И. считал, что Сталин должен быть убран с поста генсека. Об этом он так определенно сказал в своем политическом завещании, в характеристике ряда товарищей, которые он дал перед своей смертью и которые так и не дошли до партии. Но об этом в другой раз...

Н. ВАЛЕНТИНОВ (Н. В. ВОЛЬСКИЙ)

[«Ленину капут!»]

<Из книги «НЭП и кризис партии»>

Насколько серьезно заболевание Ленина, о том не подозревала даже и та малюсенькая группа, знавшая о его болезни. Однако среди них было лицо, которое тогда же, уже с 1922 года, ре-